

- сия: в 2-х т. / гл. ред. В.А. Кузьмин. Красноярск: Поликор, 2007. Т. 1. 432 с. URL: <https://sites.google.com/site/cultkhakasia/7-kultura-hakasia/> (дата обращения: 14.12.2022).
15. Тугужекова В.Н., Мамышева Е.П. Национально-языковая политика Советского государства в 1920-1930-е гг. в Ойротской и Хакасской автономных областях // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 64-67.
16. Мамышева Е.П. Исторический опыт национально - государственного строительства в Южной Сибири в 1917-1941 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2017. 35 с.
17. Кустова Ю.Г. Трансформация традиционной культуры хакасов в 20-30-е годы XX века // UNIVERSUM: Вестн. Герценовского ун-та. 2013. № 3. С. 82-90.
18. Rindzeviciute Egle Constructing Soviet Cultural Policy Cybernetics and Governance in Lithuania after World War II Linköping Studies in Arts and Science № 437 Linköping 2008. 278 p. URL: https://monoskop.org/images/3/3e/Rindzeviciute_Egle_Constructing_Soviet_Cultural_Policy_Cybernetics_and_Governance_in_Lithuania_after_World_War_II.pdf (дата обращения: 14.12.2022).

УДК 94(571.54) "1917"

DOI: 10.18324/2224-1833-2022-4-108-114

Борьба за руководство бурятским национальным движением в 1917 году. Феномен «двоевластия»

В.В. Бабаков^a, И.Б. Батueva^b

Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
ул. Терешковой 1, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия

^ai.batueva@mail.ru, ^bviktor.babakov@mail.ru

Статья поступила 14.11.2022, принята 13.12.2022

В статье описывается начальный этап национально-государственного строительства бурятского народа в первые месяцы после Февральской революции в России. Рассматривается процесс создания двух общественно-политических руководящих центров национальным движением: Бурятско-Калмыцкого временного Организационного комитета в Петрограде, Бурятского национального комитета в Сибири. Анализируется соперничество между ними за лидерство и руководство национальным строительством. Подвергается разбору феномен фактически сложившегося с марта по июль 1917 года «двоевластия» в руководстве движением.

Ключевые слова: Февральская революция; Сибирь; Бурнацком; Бурятско-Калмыцкий временный Организационный комитет; национальное движение; буряты; национальная интеллигенция; чересполосица; земство.

The struggle for the leadership of the Buryat national movement in 1917. The phenomenon of "dual power"

V.V. Babakov^a, I.B. Batueva^b

East-Siberian State Institute of Culture; 1, Tereshkova St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia

^ai.batueva@mail.ru, ^bviktor.babakov@mail.ru

Received 14.11.2022, accepted 13.12. 2022

The article describes the initial stage of the national-state construction of the Buryat people in the first months after the February Revolution in Russia. The process of creating two socio-political leadership centers by the national movement is considered: the Buryat-Kalmyk Temporary Organizing Committee in Petrograd, the Buryat National Committee in Siberia. The rivalry between them for leadership and leadership of national construction is analyzed. The phenomenon of "dual power" in the leadership of the movement, which actually developed from March to July 1917, is analyzed.

Keywords: February Revolution; Siberia; Burnatskom; Buryat-Kalmyk Temporary Organizing Committee; national movement; Buryats; national intelligentsia; cherespolositsa; zemstvo.

Всенародный подъем национального движения народов России в феврале 1917 года привел к ускоренному национально-государственному строительству бурятского этноса. Возглавила эти созидательные процессы бурятская национальная интеллигенция. Плодами ее революционного творчества стало создание практически одновременно, в Петрограде и Сибири, двух соперничающих между собой руководящих национальным движением центров. Ожесточенная политическая борьба между ними за лидерство быть во главе национально-государственного строительства своего этноса фактически привела к тому, что с марта по июль 1917 года сложилась и существовала система «двоевластия» [1, с. 75-81] в руководстве национальным движением. Возникший феномен «двоевластия» мало изучен исследователями. Всестороннее изучение процесса политического соперничества двух руководящих центров, их конкуренции и борьбы, представляет несомненный исторический интерес, актуально и в наше время.

Столичный Бурятско-Калмыцкий Комитет ставил своей задачей разработку и внедрение проекта бурятского национального самоуправления в форме Степных дум, с возвращением всех родовых земель, отторгнутых у бурятских обществ по волостной реформе на рубеже XIX – XX веков. Закрепляемые в проекте откровенно архаичные формы национального самоуправления должны были, по замыслу его авторов, сохранить земли, права и привилегии старой родовой знати, богатой ноенской верхушки. Лидеры Бурятско-Калмыцкого Комитета, «стародумцы», были яркими представителями национально-буржуазного политического течения в национальном движении.

Активные представители национальной интеллигенции из Сибири, создали Бурятский Национальный Комитет, многие члены которого состояли в партии социалистов-революционеров, либо сочувствовали ее программе по национальному вопросу. Их усилиями было оформлено и развито революционное национально-демократическое направление, в руководстве национальным движением [2, с. 36-39].

Борьба между ними за лидерство и руководство всем движением обострилась в апреле 1917 года, накануне I Общебурятского съезда (г. Чита 23-25 апреля). Фактически, независимо друг от друга, самоорганизовались два директивных центра, претендующих на лидерство в руководстве бурятским национальным движением, которые всеми способами стремились довести декларируемые цели и задачи своей деятельности до новой революционной власти. В публикуемых воззваниях, обращениях, телеграммах оба руководящих центра представили собственное видение решения национального вопроса, предложили способы

и пути практической реализации этой важной цели.

Для немедленной идентификации себя и своих сторонников перед новыми властями как единомышленников революционных преобразований в документах и деловой переписке демонстративно показывали полную лояльность действиям нового руководства, выказывали единогласное одобрение политическим и законодательным актам буржуазно-демократического правительства.

Такие пожелания прослеживаются в телеграммах, от бурятских собраний, организованных и курируемых Бурнацкомом, присланных в Петроград на имя председателя Совета министров князя Г.Е. Львова. Из села Манзурка 27 марта: «Буряты Иркутской губернии Хоготовской волости, ...приветствуют новое правительство, ... готовы всеми силами поддерживать новое правительство» [3, с. 11]. Из Иркутска 7 апреля: «Съезд представителей бурятского народа Иркутской губернии приветствует Временное правительство в глубокой уверенности, ...что в будущей свободной демократической России интересы и желания отдельных народностей будут осуществлены в полной мере» [3, с. 11].

Близость к собственному электорату явилась очевидным неоспоримым преимуществом сибирского руководящего центра, которое он успешно применил в непосредственной работе с бурятским населением. Его практические действия выгодно отличались от деятельности петроградских оппонентов, прежде всего активной работой первичных ячеек в сомонах, хошунах, аймаках. Результативная просветительская деятельность низовых органов Бурнацкома базировалась на глубокой, органичной связи с бурятскими обществами на местах, широкой агитационной работе в стойбищах, на близости к народу.

Местные комитеты, в процессе своей организаторской деятельности, созывали общие собрания бурятской общественности, составляли и систематизировали указы населения, оформляли их как требования на первый всебурятский съезд. Их быстрая и эффективная работа позволила уже к концу апреля 1917 года провести всебурятский форум.

Руководство Бурятского национального комитета, большинство его активных членов тяготело в своих идеологических воззрениях к программе политической партии социалистов-революционеров, часть их состояла в этой партии. Неудивительно, что выработка «Статута о временных органах по управлению культурно-национальными делами бурят-монголов и тунгусов Забайкальской области и Иркутской губернии» (далее: «Статут...»), принятого на I Общебурятском съезде, проходила в тесной связи и под идейным руко-

водством бюро Читинской группы партии эсеров. Более того, Читинский бурятский комитет настоятельно рекомендовал своим районным подразделениям послать своих представителей на Областной съезд этой партии и общественных организаций, созываемый 15 апреля. В телеграмме председателю Баргузинского бурятского комитета он настаивал: «Вам необходимо послать делегатов на этот съезд. ...бюро Читинской группы партии с-р послало Вам по просьбе Комитета брошюры, касающиеся текущего момента» [3, с. 11].

Активное сотрудничество лидеров национального движения с Забайкальским региональным отделением партии эсеров было необходимо еще и потому, что в своей политической программе по национальному вопросу партия фундаментально разработала принцип создания экстерриториальных культурно-национальных автономий. Особенно активно национальные проблемы государственного строительства России разрабатывались накануне третьего съезда этой партии, состоявшегося чуть позднее, в Москве 25 мая – 4 июня 1917 года. Признанный идеолог этой партии Н.В. Брюллова-Шаскольская в своих книгах «Народности России и их требования», «Партия социалистов-революционеров и национальный вопрос» и других, вместе со своими сподвижниками, четко обосновала основные принципы создания и функционирования экстерриториальной культурно-национальной автономии.

В этой же телеграмме говорилось далее: «Сообщаем Вам также, что партия с-р, одна из сильнейших партий России в лице Читинской группы партии, вошла в согласие с Национальным Комитетом в смысле поддержки в Учредительном собрании наших национальных требований. В силу чего, на нашем совещании 12 марта было постановлено оказать поддержку партии...» [3, с. 11]. Лидерам бурятской интеллигенции, борющимся за национально-государственное определение собственного народа, импонировала идея социалистов-революционеров, изложенная в их программе по национальному вопросу о федеративном устройстве государства, о праве любого жителя указывать свою национальность, на основании этого развивать культуру своего этноса. Именно поэтому, «Статут...» полностью соответствовал основным принципам, изложенным в программе по национальному вопросу самой многочисленной и влиятельной партии социалистов-революционеров. Функционеры Бурнацкома полагали, что в случае победы на выборах в Учредительное Собрание (что и произошло), эта партия, вероятно, смогла бы вместе с лидерами бурятского национального движения, объединив все национальные движения и партии России, осуществить создание экстерриториальной культурно-нацио-

нальной автономии для заинтересованных в этом малых народов вообще, а для бурятского этноса в частности.

Бурятский национальный комитет, обладая широкой и массовой поддержкой населения, к середине апреля 1917 года уже выстроил эффективно действующую структуру управления и соподчиненности по схеме сомон – хошун – аймак – Центральный комитет и его Иркутский отдел. Сложившаяся руководящая общественно-политическая организация бурятского общества позволила создать и провести очень важный первый организационный съезд. Единственным ощутимым изъяном в функционировании структур Бурнацкома было то, что центральные власти революционной России были слабо информированы о его деятельности.

Причин было несколько. Во-первых, это удаленность всего прибайкальского региона от центра страны, отсутствие средств оперативной коммуникации. Самым быстрым средством доставки информации был телеграф, письма шли месяцами.

Во-вторых, в новых революционных органах власти, в Петрограде, тоже шло творческое государственное строительство. Отмечалось настойчивое стремление сразу и быстро решить наболевшие проблемы общества, в том числе и в разрешении национального вопроса на окраинах государства. Реализовывалась эта потребность простым бюрократическим путем. Создавались всевозможные комиссии, относящиеся к разным ведомствам и департаментам, целью деятельности которых был сбор и систематизация наказов и предложений от населения национальных окраин, которые лоббировались всевозможными этническими инициативными группами. В эти комиссии нередко попадали случайные люди, оказавшиеся там явочным порядком, зачастую на волне митинговых настроений. Не стоит исключать и личные эгоистические амбиции отдельных деятелей этих комиссий. Участвовать их заставляли откровенно карьеристские побуждения. Ждать от таких чиновников деятельного участия для пользы общего дела не приходилось, чаще их инертность имела деструктивный результат. Случалось, что ведомственные полномочия одной проектной комиссии приходили в противоречие с действиями другой. В целом, такое состояние дел нередко приводило к неразберихе и путанице. В ответ, властям приходилось создавать очередную межведомственную комиссию, которая оперативно все улаживала. Более того, Министерство внутренних дел осознавало особую сложность решения национального вопроса на окраинах, поэтому оттягивало его до выборов в Учредительное собрание. Эффективное и благополучное решение этого

вопроса было неразрывно связано с успешным решением земельного вопроса для аборигенных народов. Для бурятского этноса это прежде всего означало ликвидацию чересполосицы, возврат к прежним (до волостной реформы) земельным владениям. Это хорошо сознавал и Министр земледелия В.М. Чернов, признанный лидер и теоретик партии социалистов-революционеров. Он категорически выступал за решение вопроса о национально-государственном устройстве России полномочиями и только Учредительным собранием, а также дальнейшим созывом Учредительных собраний в национальных регионах.

В-третьих, все министры Временного правительства, его первый министр-председатель кадет князь Г.Е. Львов были ярко выраженными государственниками. В своей практической деятельности они всячески пытались сохранить территориальную целостность государства, выступая за единую и неделимую Россию. Все действия нового правительства были призваны исключить распад, децентрализацию государственной власти. Исходя из таких здравых политических установок министры Временного правительства с крайним недоверием относились ко всякого рода предложениям национально-государственного переустройства. Скорость появления и обилие проектов создавала нервную обстановку в работе специализированных ведомственных комиссий министерств. Многие проекты из-за отсутствия компетентного личного лоббирования заинтересованными лицами безвозвратно оседали в архивах.

В-четвертых, созданный в Петрограде Бурятско-Калмыцкий комитет (далее: Комитет) активно противодействовал деятельности своего забайкальского оппонента, с целью захватить лидерство в руководстве бурятским национальным движением.

Бурятские общественные деятели, образовавшие этот Комитет, в первые недели после Февральской революции сумели воспользоваться удачным стечением обстоятельств, оказавшись возле и среди новых формирующихся органов исполнительной власти Временного правительства. Близость организованных бурятских активистов к новой революционной власти явилась неоспоримым преимуществом в общественно-политической борьбе с забайкальскими оппонентами.

Председатель Бурятско-Калмыцкого комитета Н.А. Ханхасаев, при поддержке авторитетного хамбо-ламы Ч-Д. Иролтуева, развернул бурную деятельность по восстановлению национального управления бурят на основе Степных дум. Возврат к архаичным формам самоуправления в период революционных событий 1917 года, даже в модернизированном виде, объективно являлся общественно-политическим регрессом. Реакция центральных властей на этот законопроект была в

целом негативной, хотя сначала почти удалось добиться успеха.

Н.А. Ханхасаев приобрел известность и колоссальный опыт общественно-политической деятельности, когда был ещё депутатом Государственной Думы II созыва. Как авторитетный бурятский общественный деятель, постоянно проживая в столице, имел полномочия собирать пожертвования с бурятского населения на военные нужды. Еще до революционных событий 1917 года был представлен императору Николаю II, впоследствии заведовал лазаретом для «реквизированных» бурят, денежные средства которого активно использовались на финансовую поддержку Комитета.

Являясь публичной личностью, имея общепризнанный социально-политический статус и авторитет, он умело использовал знакомства и дружеские связи для эффективного функционирования Бурятско-Калмыцкого комитета.

В целом, опираясь на поддержку влиятельных земляков-бурят, прежде всего из буддийского духовенства Петроградского дацана, он своей энергичной деятельностью сумел создать все необходимые предпосылки для создания и успешного функционирования столичного руководящего центра национальным движением.

Сильной стороной петроградских функционеров была близость к очагу революции, налаженные личные и общественные связи, уже готовые старые социально-политические проекты национального переустройства, которые нужно было лишь модернизировать, адаптируя к текущему политическому моменту.

Поэтому, в конкурентной борьбе с сибирскими оппонентами немедленно были задействованы и использованы все потенциальные преимущества столичных политических соперников:

Во-первых, Комитет располагался в столице, находился в самом центре разворачивающихся революционных событий. Общественные бурятские деятели, создавшие его, пользовались доверием земляков, были известными публичными личностями, имели прежние заслуги перед Отечеством. Поэтому многие кабинеты новой власти оказались для них открыты. В первые недели февральской революции, активно участвуя в работе особой комиссии при Министерстве внутренних дел, им удалось добиться решения о восстановлении национального самоуправления в форме Степных Дум.

Во-вторых, для плодотворной общественно-политической работы необходим был центр принятия решений, штаб, в котором сосредотачивались бы все активисты, буряты и калмыки. Таким центром землячества стал Петроградский дацан, который объединял и сплачивал всех буддистов, в том числе и бурят, осуществлял культурно-

идеологическую работу. Ламы дацана являлись активными участниками проектирования национально-государственного строительства.

В-третьих, все члены Бурятско-Калмыцкого комитета имели горячее желание и внутреннюю способность реорганизовать административное управление бурятским обществом в новых революционных реалиях. В силу крайней консервативности собственных политических взглядов, патриархальности мышления, лидеры движения не могли и не желали предложить прогрессивные формы самоуправления. Их пассионарность ограничивалась желанием возврата к архаичному самоуправлению в форме Степных Дум, с легкой долей модернизации, адаптированному к буржуазно-демократическим принципам народовластия.

К середине апреля 1917 года стало ясно, что Временное правительство не склонно, даже в проекте, возвращаться к старым, архаичным формам самоуправления. Первоначально особая комиссия при Министерстве внутренних дел высказалась за восстановление национального самоуправления бурят в форме Степных Дум. Затем, по инициативе Переселенческого ведомства, на межведомственном совещании этот проект был отклонен. Основная причина отрицательной реакции властей на законодательную инициативу петроградского Комитета состояла в том, что предлагаемая система самоуправления возвращала бурятам все родовые земли, принадлежавшие им до упразднения прежних Степных Дум, изъятые по волостной реформе (Иркутская губерния 1888-1890; Забайкалье 1901-1904 годы.) при министре внутренних дел В.К. Плеве. Вследствие этого еще с тех времен, богатая родовая верхушка инородцев («стародумцы») активно агитировала соплеменников и последовательно боролась против грабительской земельной реформы, урезавшей бурятские земли, изымавшей их в колониционный фонд для переселенческого управления. Большинство лидеров Бурятско-Калмыцкого комитета были непосредственными участниками тех событий, являясь последовательными в реализации своих идей. В своем исследовании Н.Р. Мангутов отмечал, описывая события тех лет, что, «... в Курумчинском ведомстве агитировал бурят против землеустройства крупный кулак и предприниматель Н. Ханхасаев...» [4, с. 61].

Таким образом, «стародумцы» были убеждены что, восстановление прежнего самоуправления в новых революционных реалиях однозначно подразумевало возвращение дореформенных родовых пастбищ их историческим хозяевам. Это базисное положение они сделали основой проекта реформы самоуправления.

Забайкальские оппоненты Бурятско-Калмыцкого комитета, Бурнацком, напротив, к этому

времени уже фактически выстроили органы самоуправления сообразно новым реалиям, на основе программы решения национального вопроса партии социалистов-революционеров. В своей телеграмме председателю Совета Министров князю Г.В. Львову они заявляли, «что буряты не стремятся к восстановлению старых Степных Дум, находя их строй недостаточно демократичным, и создали свое управление на новых началах. Но вмешательство в этот вопрос всегда враждебного нам переселенческого ведомства вселяет среди масс тревогу и вносит смуту в умы» [3, с. 33].

После отказа центральных властей признать проект петроградского Комитета о самоуправлении в форме Степных Дум, выявилась первая серьезная, она же основная проблема национально-государственного строительства, – нерешенный земельный вопрос в Иркутской губернии и Забайкальской области. Глубокие противоречия, жестокие конфликты из-за чересполосицы земель аборигенного населения и крестьян-переселенцев могли поставить крест на самой идее национального самоопределения бурят [5, с. 32-37].

Стало очевидно, что наметилась нешуточная линия конфронтации между центральными властями и лидерами бурятского национального движения, независимо от того, какой центр борющийся за лидерство в руководстве национальным движением ее озвучивал.

Вторая проблема, не менее масштабная, выявилась практически сразу после самоорганизации бурятских органов самоуправления в Забайкалье. Летом, после принятия закона о земстве в Сибири и решений II Общебурятского съезда (Гусиноозерский дацан, 10-15 июля 1917 года), произошло чрезвычайное ее обострение.

В целях укрепления новых принципов организации государственной власти и на окраинах державы, новое правительство собиралось распространить земскую реформу на Сибирь. Данное положение было непреложным для исполнения планов партии социалистов-революционеров, обязательным для внедрения в политическую жизнь страны. Подготовительная общественно-политическая работа на местах уже активно осуществлялась, но только 17 июня 1917 года медленно работающая бюрократия Временного правительства приняла закон о введении земства по всей Сибири на основе всеобщего, тайного и равного избирательного права. Базируясь на декларируемых принципах, Бурнацком уже в апреле полностью выстроил всю систему национальных экстерриториальных органов самоуправления бурятского этноса, утвердил и закрепил ее на I Общебурятском съезде, о чем и уведомил Временное правительство.

Молниеносные действия сибирских бурятских реформаторов, стремительно создавших явочным порядком органы местного самоуправления, явно опередили темпы работы центрального бюрократического аппарата страны. Политическая прозорливость лидеров национального движения, их дальновидность проявилась в том, что уже в проекте «Статута...», например, в статье 15 [3, с. 17] была заложена возможность безболезненной трансформации бурятских органов местного самоуправления в земские национальные единицы этнического характера. Дальнейшая возможность их модификации ярко проявилась в решениях II Общебурятского съезда. В своих протоколах, с целью адаптации структуры бурятских культурно-национальных организаций под требования центральных властей о создании земства в Сибири, съезд принял решение введения земства среди бурят на базе уже существующих национальных органов самоуправления [3, с. 55].

После I Общебурятского съезда Бурнацком, не без основания, торопился легитимизировать себя и всю выстроенную уже вертикаль управления. Для этого демонстративно подтвердил свой политический вес выработкой и утверждением «Статута...», достигением консенсуса с местными органами власти, о чем сообщил в Петроград председателю Совета министров. В посланной телеграмме известил о выстроенной структуре органов самоуправления: «Эта схема одобрена, признана и утверждена бывшим в Чите областным крестьянским съездом, областным Советом крестьянских депутатов, областным продовольственным комитетом, областным комитетом общественной безопасности и местными административными учреждениями» [3, с. 33].

Сибирские бурятские общественные деятели понимали, что явно опередили и тем самым усложнили планы центральной власти по введению общих земских самоуправляющихся единиц, где независимым бурятским органам самоуправления не было бы места. Своими целеустремленными и поспешными действиями они ввели дезорганизацию в этот планомерный процесс, тем самым не позволили растворить национальное самоуправление в среде общего земства.

Угроза потерять все плоды и перспективы выстроенной культурно-национальной автономии, закрепленные в «Статуте ...», была более чем реальна. Дело в том, что новое сибирское земство создавалось властями бессловесным, строилось на революционных общественно-политических принципах. Органы местного самоуправления, демократично избранные на основе всеобщего тайного и равного избирательного права, в своем составе пропорционально повторяли демографи-

ческую, национальную структуру населения края. Этот факт генерировал проблему будущего потенциально неэффективного функционирования интернациональных органов самоуправления. Малочисленные представители бурят, которые работали бы в этих органах, попав в тиски принципа демократического централизма и коллегиальности решений, не имели бы возможности повлиять на управление национальными делами в интересах собственного этноса. Причем, вся эта вероятная коллизия драматично развивалась бы на фоне нерешенного земельного вопроса, что и произошло впоследствии. Поэтому бурятская интеллигенция, вставшая во главе национального движения, категорически противилась этому.

Идеологи Бурнацкома ради реализации идеи права национально-культурного самоопределения собственного этноса готовы были пойти на любые уступки политическому давлению Временного правительства. После II Общебурятского съезда наиболее дальновидные из них склонялись к переименованию уже созданной системы бурятского самоуправления, потому что эта трансформация принципиально не влияла на ее функционирование в прежнем виде. Цель таких манипуляций была в сохранении неизменной глубинной сути сложившейся национальной самоорганизации. По форме, сомон-хошун-аймак объявлялись земством, формально вписанным в общегосударственную систему таких органов в крае. По содержанию, обособленные органы культурно-национального управления бурят сохраняли систему независимого самоуправления. Конфронтация с центральными властями нарастала.

Борьба Бурнацкома за сохранение бурятских органов самоуправления, по существу с прежним содержанием, но в облике земства, продолжалась с исполнительными органами Временного правительства до его ликвидации большевиками в результате октябрьского революционного переворота.

Бурятско-Калмыцкий комитет, находясь в гуще революционных событий Петрограда, так и не сумел занять активную политическую позицию в реализации идей культурно-национальной автономии. Его функционеры не предприняли деятельного участия в деле борьбы за национальное земство, потому что продолжали соперничать с сибирскими оппонентами за лидерство в руководстве национальным движением, обивая пороги министерств. К лету Комитет практически самоустранился от активных политических мероприятий. Его активисты много выступали с воззваниями и декларациями, которые были неэффективны. Фактически их деятельность заключалась в

построении собственных общественно-политических карьер.

В четырехмесячном промежутке между всебурятскими съездами Бурятско-Калмыцкий комитет так и не смог конструктивно организовать взаимодействие с властями, предложить новые проекты. Он оказался неспособен заинтересовать своей деятельностью правительство и возглавить бурятское национальное движение.

Так произошло, что оба созданных национальных комитета претендовали на лидерство в руко-

водстве национальным движением. Сложившаяся жесткая конкуренция за руководство национальными процессами привела фактически к складыванию системы «двоевластия». Оно просуществовало до II Общебурятского съезда при Гусиноозерском дацане, где избранные представители бурятского народа, совершенно обоснованно вынесли свой вердикт в пользу Бурятского Национального Комитета.

Литература

1. Бабаков В.В., Батуева И.Б. Феномен «двоевластия» в руководстве бурятским национальным движением в 1917 году // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 2 (44). С. 75-81.
2. Бабаков В.В. Национально-государственное строительство в Бурятии в 1917-1919 гг. / науч. ред. В.Д. Дугаров. Улан-Удэ, 2012. 147 с.
3. Национальное движение в Бурятии в 1917-1919 гг.: документы и материалы / сост. и науч. ред. Б.Б. Батуев. Улан-Удэ, 1994. 200 с.
4. Из истории народов Бурятии: исследования и материалы / отв. ред. д-р ист. наук Е.М. Залкинд. Улан-Удэ, 1962. 192 с.
5. Батуева И.Б., Бабаков В.В. Национально-государственное строительство в Селенгинском аймаке в период февраля 1917 года // Вестн. Вост.-Сиб. гос. ин-та культуры. 2017. № 2 (2). С. 32-37.

УДК 930

DOI: 10.18324/2224-1833-2022-4-114-118

Основные направления научно-медицинских исследований МНР по материалам диссертационного фонда ЦНМБ (1940-е – 1950-е гг.)

А.Л. Баяртуев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия
bayartuev1996@mail.ru

Статья поступила 14.11.2022, принята 02.12.2022

В первой половине XX века в МНР появляются первые национальные кадры, получившие европейское образование в сфере медицины. К середине XX века начинают появляться научные исследования, написанные монгольскими учеными. Из-за отсутствия материальной базы по подготовке научных кадров первые ученые защищались в Советском Союзе. Благодаря диссертационному фонду ЦНМБ сохранились работы не только советских ученых, но и монгольских авторов на русском языке, которые могут помочь нам показать состояние монгольской медицины в интересующий нас период.

Ключевые слова: Центральная научная медицинская библиотека, источниковедение, здравоохранение, история медицины, МНР.

The main directions of scientific and medical research of the MPR based on the materials of the dissertation fund of the CSML

A.L. Bayartuev

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS;
6, Sakhyanova St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia